

ЕВРЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ИЕРУСАЛИМЕ
•
ЦЕНТР СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ
•
ЦЕНТР ЧЕЙЗА ПО РАЗВИТИЮ ИУДАИКИ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
•
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ЕВРЕЙСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

— • —
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

•
ХАЗАРСКИЙ ПРОЕКТ

ХАЗАРЫ

Евреи и славяне Том 16

Редакционная коллегия
В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук,
А. Кулик, Д. Шапира

Гешарим / Иерусалим
Мосты культуры / Москва
2005

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ ЭТНИЧЕСКИХ ХАЗАР В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Сложность этнической ситуации в северо-западной части Хазарского каганата во второй половине VIII – первой половине X в. неоднократно отмечалась в археологической литературе¹. Здесь на небольшой территории зафиксированы такие своеобразные салтовские могильники, как Нетайловский, Сухогомольшанский, Красногорский, содержащие труположения с восточной и западной ориентировкой погребенных, захоронения по обряду трупосожжения. На могильниках открыто большое количество погребений людей в сопровождении целой туши коня, его частей, конского снаряжения. Такое разнообразие погребальных памятников вызвало желание у некоторых исследователей связать их с этническими хазарами – кабарями Константина Багрянородного. А.В. Комар при этом склонен связывать с хазарами (кабарами) захоронения, совершенные как по обряду трупосожжения (Сухая Гомольша, Маяки, Красная Горка), так и ингумационные захоронения могильников Красная Горка, Нетайловка. Основанием для таких выводов исследователя послужило время прекращения существования данных могильников – конец третьей четверти IX в.²

Памятники, приписываемые в настоящее время хазарам и датируемые второй половиной VII – первой половиной IX в., хорошо изучены на территории Нижнего Поволжья, Волго-Донского междуречья, Нижнего Дона. Определены признаки, характеризующие погребальный обряд данной группы населения³. Это позволяет сравнить погребальный обряд населения, оставившего указанные выше могильники в бассейне Северского Донца, с обрядом хазар.

Для Нетайловского могильника характерен грунтовой тип захоронений, восточная ориентировка погребенных, отсутствие в погребениях мясной жертвенной пищи, малочисленность инвентаря, редкость в могилах

каких-либо деревянных конструкций⁴. Все это сближает их с погребениями оногуров второй половины VII – первой половины VIII вв. Смешанный (тюрко-угорский) характер последних вытекает уже из их этнического названия⁵. Мною уже отмечалось наличие в захоронениях могильника черт угорской погребальной обрядности⁶. Так, в торцовых стенках могильных ям некоторых Нетайловских захоронений присутствуют специальные ниши-подбои, в которых находились череп и кости ног коня (погр. № 171, 215, 252), конское снаряжение (погр. № 132, 144, 221, 259)⁷. Данные погребения могильника находят частичные аналогии в захоронениях Коминтерновского II могильника (вторая половина VI – начало VII в.), Танкеевского могильника и подобных ему некрополях салтовского времени Южного Урала, Среднего Поволжья⁸.

Части коня (череп) в комплексе с конским снаряжением (удилами, стременами) в погребении № 255 Нетайловского могильника размещались сбоку от ног погребенного в полном соответствии с угорской погребальной традицией. Подобным образом уложены части коня – череп и кости ног (свернутая шкура) – в погребениях венгров с территории Украины (Субботицкий могильник; погр. у с. Твердохлебы)⁹. Такие погребения на болгарских грунтовых могильниках Подонья немногочисленны. Возможно, несмотря на нехарактерную для венгерских захоронений восточную ориентировку погребенного с Нетайловского могильника, в носителе данной традиции следует видеть представителя угорского этноса в составе праболгарской общины.

Погребения Нетайловского могильника, с целыми костяками коней в нишах-подбоях (погр. № 23, 53, 127), являются, вероятно, дальнейшим развитием вышеупомянутой традиции в местных условиях. Погребения этого типа близки венгерским захоронениям V группы времен Обретения венграми родины¹⁰. Их сближает размещение конских останков в могиле, отличает – состав этих останков. Замена шкуры коня целой его тушей может быть связана с имущественно-социальной дифференциацией внутри самой нетайловской общины.

Таким образом, данные нетайловские погребения с частями коня или конским снаряжением, помещенными в нишах-подбоях, по-видимому, отображают погребальную традицию, характерную для смешанного тюрко-угорского населения.

Не позволяет отождествить население, оставившее Нетайловский могильник, с хазарами (кабарами) время возникновения и существования некрополя. В погребениях могильника найдено 15 монет¹¹. Уникальной является находка единственного золотого, незатертого и непробитого византийского солида Константина V Капронима (751–757 гг.). По мнению А.И. Семенова, золотые византийские солиды VIII в. имеют небольшой период «запаздывания»¹². Поэтому, учитывая прекрасную сохранность, данный солид мог попасть в захоронение не позднее конца третьей четверти VIII в.

Вместе с солидом (погр. № 164 Б) были найдены три серебряные монеты Табаристана, датируемые VIII в. В целом погребальный инвентарь данного захоронения не выходит за рамки VIII в.¹³ Остальные обнаруженные в погребениях Нетайловского могильника серебряные дирхемы также дают достаточно узкую датировку. Так, наиболее потертые дирхемы были отчеканены в 705–725 гг. (погр. № 137, 143, 146), остальные – выпущены в 70-х годах VIII в. Самые поздние из найденных монет относятся к 770–778 гг. выпуска. Таким образом, монеты, выпущенные позже конца третьей четверти VIII в., на Нетайловском могильнике не обнаружены. Поэтому время возникновения исследованной части Нетайловского могильника по монетным находкам может быть отнесено к третьей четверти VIII в. Этому не противоречит обнаружение в погребениях № 132, 134, 139, 164 Б, 215, 250, 267 элементов поясной гарнитуры¹⁴, оформленных в крымско-византийском стиле, характерном для конца VII–VIII в.¹⁵ Данные изделия относятся к своеобразному стилю поясных наборов, существовавшему в период второй половины VII – середины VIII в.¹⁶ Погребальный инвентарь остальных вскрытых захоронений Нетайловского могильника, как и находки монет, учитывая время их запаздывания, свидетельствует о существовании некрополя на протяжении по крайней мере всего IX в.¹⁷ Это подтверждается находками специфических элементов поясной гарнитуры. Так, в захоронениях могильника найдены элементы поясной гарнитуры и целые поясные наборы, выполненные в смешанном, салтовско-венгерском стиле¹⁸. Такими являются поясные наборы из погребений № 2, 60, 71, 166, 259. Особенно показательно изображение в виде орла с распростертыми крыльями на одной из сторон наконечника пояса из погр. № 259, стилистически напоминающее изображение птицы на серебряном навершии рукояти сабли из погр. № 6 Больше-Тиганского могильника¹⁹. Смешанный салтовско-венгерский стиль в оформлении поясной гарнитуры начал складываться с приходом венгерских племен в Леведию (начало IX в.) и существовал как минимум до их ухода в Ателькузу (889 г.).

Учитывая время возникновения Нетайловского могильника и особенности погребального обряда, население, его оставившее, следует считать родственным салтовскому населению второй половины VII – первой половины VIII в. Крыма²⁰. Это население, вероятно, входило в состав Великой Болгарии, но после ее разгрома хазарами оно не сразу отошло в бассейн Северского Донца. Оно подчинилось победившим хазарам, косвенным подтверждением чему может служить обнаружение в нетайловских захоронениях элементов поясной гарнитуры второй половины VII – середины VIII в., аналогичных найденным в хазарских курганах с ровиками, и византийских золотых солидов VIII в. После поражения, нанесенного хазарам арабским полководцем Мерваном (737 г.), по воле правителей каганата оно, как и часть алан²¹, по-видимому, было переселено на северо-западные рубежи государства – в бассейн Северского Донца. Такое положение

дел и объясняет расположение Нетайловского могильника рядом с Верхнесалтовским археологическим комплексом с его четырьмя аланскими катакомбными могильниками и белокаменной крепостью. Все вышесказанное позволяет видеть в населении, оставившем Нетайловский могильник, выходцев из племенного объединения оногуров, в котором существенную роль играл угорский этнический компонент.

На принадлежность погребений по обряду труположения биритуального могильника Красная Горка представителям болгарского компонента салтово-маяцкой культуры указал его исследователь²². Так, погребения с конем справа от человека в общей могильной яме, открытые на могильнике (погр. № 75/к-4, 150/к-13, 219/к-20, 245/к-17, 264/к-24, 288/к-30), по ряду признаков сходны с погребениям тюркоязычных кочевников евразийских степей VI–XIII вв. Однако данные захоронения могильника имеют существенные отличия как от собственно тюркских, так и от хазарских погребений. В частности, от захоронений хазар их отличает бескурганый характер погребений, использование простой грунтовой ямы (а не ям с подбоем), наличие в могилах деревянных конструкций (гробов-рам, гробов-ящичков и т.д.), отсутствие мясной жертвенной пищи, наличие не взнузданного и не оседланного коня по правую сторону от человека²³.

Нехарактерной для хазарских древностей является и погребальная традиция, нашедшая свое отображение в захоронениях человека с конем, размещенным в ногах человека и ориентированным в одну сторону с ним (погр. № 70/к-5, 77/к-3, 93/к-6, 100/к-8, 103/к-7, 140/к-12, 200/к-18, 209/к-10, 293/к-34, 305/к-32)²⁴. Аналогичные данным погребения встречены на некоторых аварских могильниках²⁵, что позволяет предположить связь их с какой-то отдельной этнической группой, входившей в состав Аварского каганата. Открытие подобных погребений второй половины VII в. на пеньковском поселении у с. Рябовка (Полтавская обл.)²⁶ позволяет говорить об этносе носителей данной погребальной традиции. Грунтовой характер могильника у с. Рябовки, захоронения в простых грунтовых ямах, ингумационный тип обряда, северо-восточная ориентировка костяков, скудность погребального инвентаря, отсутствие следов мясной жертвенной пищи, время совершения захоронения, – все это сближает их с погребениям праболгар V–VII вв.²⁷ Захоронения с костяком коня в ногах человека могильника Красная Горка являются одним из вариантов праболгарской погребальной традиции.

Время существования могильника Красная Горка (вторая половина VIII – середина/третья четверть IX в.²⁸), а также элементы погребального обряда позволяют отнести оставившее его население к праболгарам. Как показывает внутренняя хронология могильника, на рубеже VIII–IX вв. и в начале IX в. в составе красногорской общины появляются носители тюркского обряда труположения с конем справа от человека в общей могильной яме, а в погребениях – единичные угорские украшения (коньковая –

ингумационное погр. № 29, трапезиевидная – кремационное погр. № 189, шумящие подвески)²⁹. Вероятно, объяснением этому является проникновение на данную территорию выходцев с территории Среднего Поволжья и Южного Урала – возможно, мадьяр, увлекших в своем движении на запад представителей тюркского и финно-угорского этносов. Новое пришлое население уже через непродолжительное время полностью слилось с основной массой красногорцев, о чем свидетельствуют материалы позднего этапа существования могильника, где погребения с конем справа от человека в общей могильной яме совсем не представлены, как не найдены и вещи угорских типов.

Основным остается вопрос этнической принадлежности салтовских погребений по обряду трупосожжения, несмотря на наличие четырех гипотез: славянской, тюркской, иранской, угорской. Историография этого вопроса достаточно хорошо освещена в литературе³⁰. Сложность этнической интерпретации заставляет нас еще раз обратить внимание на специфику салтовских захоронений по обряду трупосожжения могильников Сухая Гомольша, Красная Горка, Лысый Горб³¹.

Более половины захоронений могильника Сухая Гомольша относятся к типу ямных. 71,1% ямных захоронений некрополя содержат не очищенные от остатков погребального костра пережженные человеческие кости. При этом в 63,9% ямных сожжений находится разнообразный погребальный инвентарь, носящий следы пребывания в погребальном костре. Довольно оригинальной чертой данных захоронений является обмазывание стенок могильных ям глиной (9, или 5,13% погребений). Рядом с 9 ямными захоронениями были зафиксированы поминальные комплексы. Человеческие останки были помещены в могильные ямы круглой, овальной и прямоугольной формы. В 11 захоронениях рядом с могильной ямкой находился целый сосуд-приставка. Среди пережженных человеческих костей и в засыпке могильных ям некоторых захоронений встречены фрагменты керамики – следы поминальной тризны. Всего в одном захоронении (погр. № 113) были отмечены остатки мясной жертвенной пищи в виде сырых костей животного. В захоронениях, произведенных в могильных ямах овальной или прямоугольной формы, прослеживаются две тенденции в их ориентировке: широтная (по линии В–З) или меридиальная (С–Ю). В тех случаях, когда пережженные человеческие кости были сложены в кучку или сохранились достаточно крупные фрагменты костей черепа, они концентрировались в западном или южном краю ям, в зависимости от того, какую ориентировку, широтную или меридиальную, имели могильные ямы. Для кремаций с широтной ориентировкой могильных ям характерно наличие поминальных комплексов (погр. № 17/комплекс II, 46/комплекс V, 63/комплекс VII, 122/комплекс IX, 214/комплекс VI, 230/комплекс XIV), подмазка стенок могильных ям глиной (погр. № 109, 117, 259, 260, 302, 304), наличие предметов вооружения среди пережженных человеческих останков (погр. № 54, 60, 122, 252).

Для урновых захоронений могильника показательно преобладание урн, поставленных устьем вниз (58,9% урновых погребений), и урн, содержащих пережженные человеческие останки вместе с углем и золой погребального костра (62,5%). Менее половины урновых сожжений (41%) были безынвентарными. В 15 (10,7%) захоронениях урны были прикрыты крышками, а в 17 (12,2%) погребениях перевернутые вверх дном урны были установлены на специальные подстилки. В качестве крышек и подстилок, как правило, использовались крупные фрагменты или целые салтовские сосуды. В одном случае (погр. № 51) перевернутая вверх дном урна была накрыта сверху большим по размеру сосудом – типичное подклешевое захоронение. В 7,9% погребений (11 случаев) рядом с урной находились сосуды-приставки, чаще всего по одному. В некоторых случаях сосуды-приставки были перевернуты устьем вниз, так же, как и стоящие рядом погребальные урны. Четыре захоронения (2,8%) сопровождалось поминальными комплексами (погр. № 223/комплекс XIII, 227/комплекс III, 228/комплекс XII, 286/комплекс XVI), при этом в этих захоронениях урны всегда были установлены устьем вниз, содержали очищенные от погребального костра человеческие кости без инвентаря, который во всех случаях находился в тайничках. В тех случаях, когда для урновых захоронений удалось проследить могильные ямы, они имели вытянутые очертания и были ориентированы по линии С–Ю (погр. № 28, 37, 55, 67, 265). Урны в них располагались в южных концах могильных ям, а сосуд-приставка – ближе к северному краю ямы. Таким образом, в размещении человеческих останков и инвентаря в данных захоронениях проявляются те же тенденции, что и в ямных захоронениях, ориентированных в меридиальном направлении.

Погребальный инвентарь урновых захоронений, за исключением коньковых шумящих подвесок, сходен с инвентарем из ямных погребений могильника Сухая Гомольша³². Керамический материал из погребений могильника представлен столовыми и кухонными лепными сосудами, форма которых находит широкие параллели в салтовских древностях³³. Высоким является и процент привозной тарной керамики в захоронениях могильника, крупные фрагменты которой использовались в качестве крышек, а почти целые формы (амфоры в погр. № 55, 182) – и в качестве погребальных урн. Все это свидетельствует об этнокультурном единстве населения, оставившего данный могильник.

Ориентировка могильных ям по линии С–Ю, наличие не очищенных от следов погребального костра человеческих останков, присутствие в засыпке погребений фрагментов керамики, следы пребывания инвентаря в огне отмечены и в захоронениях могильника Лысый Горб. Не очищенные от следов погребального костра человеческие останки концентрировались в одном случае в юго-западной части ямы (погр. № 1), а в другом – в западной части могильной ямы (погр. № 2)³⁴.

Среди кремационных захоронений биритуального могильника Красная Горка, так же, как и в Сухогомольшанском могильнике, преобладают ямные погребения (74 из 121 погребения по обряду трупосожжения). Пережженные кости помещались в могильные ямы круглой, овальной и прямоугольной формы. Могильные ямы красногорских кремаций вытянутых очертаний также были ориентированы по линии С–Ю или В–З. Однако преобладающей ориентировкой для ямных сожжений была широтная. Для урновых захоронений могильника характерна установка урн устьем вверх (44 захоронения), при этом в 10 погребениях урны были накрыты крышками, роль которых выполняли крупные фрагменты салтовских сосудов. Кальцинированные человеческие кости в большинстве захоронений могильника были очищены от следов погребального костра, погребальный инвентарь носил следы пребывания в огне, предметы вооружения носили следы преднамеренной порчи. Единственное коллективное урновое сожжение могильника (№ 101) содержало три урны с пережженными человеческими костями, установленными опять же по линии В–З. С севера к крайней западной урне примыкал поминальный комплекс.

В кремационных захоронениях из бассейна Северского Донца тесно переплетаются элементы погребального обряда, отмеченного в погребениях по обряду сожжения широкого круга археологических культур Восточной Европы (пеньковской, колочинской, волынцевской, именьковской и др.). В данном случае мы имеем дело, по-видимому, с конвергенцией обряда кремации покойника.

Пока наибольшую близость к салтовским кремационным погребениям показывают захоронения по обряду трупосожжения из кубано-черноморского района³⁵. Их роднит преобладание ямных погребений над урновыми, форма и размеры могильных ям, состав погребального инвентаря³⁶. Близость погребального обряда и однотипность инвентаря (коньковые шумящие подвески, серьги, украшенные зернью, железные фибулы с завитком на конце приемника, фибулы-«уточки», крупные железные пинцеты, железные срезни в виде прорезных лопаточек, ойнохои крымского производства) указывают на этническое родство населения, оставившего захоронения донецкой и кубано-черноморской групп.

Относительно позднее появление постоянного славянского населения в кубано-черноморском районе (конец X в.) заставляет усомниться в славянской принадлежности кремационных захоронений VIII–IX вв. из этого региона. Поэтому следует говорить о неславянской принадлежности по крайней мере части кремационных погребений из бассейна Северского Донца. Население, оставившее кремационные захоронения второй половины VIII–IX в. в низовьях Кубани, считается для данного региона пришлым³⁷, каким оно, вероятно, было и для Подонья. Наличие в кремационных захоронениях Покубанья элементов поясной гарнитуры второй половины VII – середины VIII в.³⁸, при полном их отсутствии в кремациях

Подонцовья, свидетельствует о одновременности их появления в регионах. В кубано-черноморском районе кремации появились раньше аналогичных им сожжений Подонцовья. И уже, по-видимому, оттуда группа носителей данной погребальной традиции попала в бассейн Северского Донца. Их массовое переселение, вероятно, произошло в результате тех же событий, что привели к появлению в Подонцовье и носителей катакомбного погребального обряда – алан. До этого времени кремации салтовского типа в бассейне Северского Донца представлены отдельными комплексами (Кочеток, Тополи) и небольшими могильниками (Новая Покровка).

Вероятно, предположение С.А. Плетневой о разной этнической принадлежности салтовских кремационных захоронений Подонечья³⁹ заслуживает особого внимания. Данный вопрос, по-видимому, должен решаться для каждого кремационного могильника бассейна Северского Донца отдельно.

Для решения вопроса этнической принадлежности части салтовских кремационных захоронений из бассейна Северского Донца определенное значение имеет существование на биритуальном могильнике Красная Горка относительно компактно расположенных групп захоронений, содержащих разные по обряду погребения (ингумации и кремации)⁴⁰. При этом трупосожжения часто оказываются впущенными в засыпку ингумационных погребений без разрушения последних.

В засыпку погребения человека с конем № 75/к-4 (захоронение по тюркскому погребальному обряду) было впущено два ямных сожжения (погр. № 59, 71) и захоронение человеческого черепа (погр. № 64). Кремационные захоронения (№ 277, 281) были обнаружены в засыпке погребений воинов в сопровождении коня – погр. № 289/к-28, 93/к-6 (общетюркский и смешанный тюрко-угорский погребальный обряд соответственно). Такая же ситуация прослеживалась и в рядовых ингумационных захоронениях. В ингумационные погребения № 50, 74, 113, 117, 243, 247, 274 были впущены захоронения по обряду кремации № 39, 58, 111, 117 «А», 237, 242, 268 соответственно. В засыпке погребения № 36 находилось два кремационных захоронения № 37 и 38. Показателен факт, что в ряде случаев основное и впущенное в его засыпку погребения были однообрядовыми. В ингумационное погребение воина с конем № 150/к-13 (тюркский погребальный обряд) было впущено погребение подростка № 142 по обряду ингумации, а в засыпке кремационного погребения № 109, совершенного в яме, ориентированной по линии В-3, и сопровождаемого сосудом-приставкой, было обнаружено два урновых трупосожжения № 106, 108, последнее с сосудом-приставкой и инвентарем, находящимся в так называемом «тайничке». Погребальный инвентарь и основного, и впущенного в него захоронения во всех случаях был характерен для салтовских древностей. Такое сочетание погребений с разным обрядом захоронения, как мне представляется, свидетельствует об этническом родстве оставивших их людей. По-видимому, в данном случае

можно говорить о существовании в красногорской общине семей, члены которых принадлежали к разным, но родственным в этническом плане группам (родам, семьям), применявшим разный обряд захоронения своих умерших родственников.

Такая ситуация, когда часть населения (социальная верхушка) сжигала своих умерших, а простое население хоронило по обряду труположения, характерна для многих народов. Аналогичная ситуация наблюдается и в Подонцовье. Так, погребения воинской верхушки салтовского войска – сотников (погр. № 101, 216/к-19 могильника Красная Горка, погр. № 175 могильника Сухая Гомольша, погр. № 1 могильника Лысый Горб) совершены по обряду трупосожжения и содержат, помимо широкого спектра предметов вооружения и хозяйственно-бытового инвентаря (включая котлы), такой социально маркирующий элемент, как конский начельник в комплексе с крупными фаларами⁴¹. В болгарских захоронениях по обряду ингумации из бассейна Северского Донца начельники не были найдены ни разу, так же, как и в погребениях хазар. Зато конские начельники вместе с крупными фаларами встречены в погребальных памятниках алан Подонья (Дмитриевский, Подгоровский, Верхнесалтовский могильники)⁴² и Северного Кавказа⁴³.

Отсутствие кремационных захоронений в сердце Хазарии – домене кагана – не позволяет отождествить носителей данного погребального обряда на далекой окраине каганата в бассейне Северского Донца с этническими хазарами. К тому же кремационные захоронения Подонцовья в имущественном отношении дифференцируются на несколько групп, но ни одну из них пока невозможно считать принадлежащей наивысшей прослойке, какой были хазары в каганате. По составу погребального инвентаря наиболее богатые салтовские кремационные захоронения предположительно могли быть оставлены представителями местной элиты. Этническая пестрота населения бассейна Северского Донца в этот период обусловила и разноэтничный состав его военно-политической прослойки.

Таким образом, различия в погребальном обряде погребений из бассейна верхнего течения Северского Донца и хазарских захоронений второй половины VII – первой половины IX в. не позволяют пока выделить на данной территории погребальные комплексы этнических хазар. Поэтому отождествление некоторыми исследователями населения, оставившего салтовские трупосожжения и могильники Красная Горка, Нетайловка, с хазарами (кабарами) представляется нам необоснованным и несколько преждевременным. Хотя отсутствие хазарских памятников в районе такого крупного административного центра, как Верхний Салтов, и на пути к нему выглядит на первый взгляд довольно странным. В политическом отношении северо-западные районы Хазарского каганата с его центром в районе современного Верхнего Салтова представляли собой обособленную административно-политическую единицу, имевшую возможность проводить са-

мостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. На северо-западных границах Хазарии, с переселением сюда алан и в их контакте с присутствующими здесь разнотнчными группами населения, собственно, и начала свое формирование салтово-маяцкая археологическая культура, существенно отличающаяся от культуры этнических хазар⁴⁴.

Примечания

- 1 Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII–IX вв. // СА. 1962. № 1.; Плетнева С.А. Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. № 2. С. 83.
- 2 Комар О.В. Коментарі до статті: Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округа г. Чистяково Сталинской области // ВА. 1999. № 2. С. 167.
- 3 Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. канд. ист. наук. Волгоград, 2000. С. 19.
- 4 Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996; Крыганов А.В. Нетайловский могильник на фоне праболгарских некрополей Европы // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
- 5 Артамонов М.И. История хазар. М.–Л., 1962. С. 87.
- 6 Аксенов В.С. К вопросу об этнической принадлежности захоронений с конем Нетайловского могильника // Вісник ХДУ. 1997. № 396. С. 35.
- 7 Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника. Рис. 4; Жиронкина О.Ю., Крыганов А.В., Цитковская Ю.И. Об одном комплексе погребений Нетайловского могильника // Древности 1996. Харьков, 1997; Аксенов В.С. К вопросу об этнической принадлежности захоронений с конем Нетайловского могильника. Рис. 1.
- 8 Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в составе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 100; Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 71.
- 9 Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-всадника X в. в бассейне Ингула // СА. 1988. № 2. Рис. 2, 7; Приймак В.В., Супруненко А.Б. Венгерское погребение в кургане у с. Твердохлебы Кобелякского района // Курганы Нижнего Поволжья. М.–Полтава, 1994. С. 81.
- 10 Балинт Ч. Погребения с конями у венгров в IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 184.
- 11 Крыганов А.В. Раскопки в Харьковской области Нетайловского и Пескорядковского могильников салтовской культуры // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993. С. 55; Крыганов А.В. Нетайловский могильник // Археологічні дослідження на Україні 1992 року. Київ, 1993. С. 84.
- 12 Семенов А.И. О датировочных способностях византийских солидов VII–VIII вв. // Вторая кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 94–95.
- 13 Žironkina O. Seltene Perlenformen des chasarenzeitlichen Graberfeldes von «Netailovka» (Metallovka) am Nordlichen Donec (Severskij Donec) // Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Bonn. 1997. Band 1. S. 252.

- 14 Крыганов А.В. Раскопки в Харьковской области Нетайловского и Пескорядьковского могильников салтовской культуры. Рис. 34, 11, 12; Крыганов А.В. Административно-торговый центр Хазарии на ее северо-западной окраине // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Наукові матеріали. Київ, 1997. Табл. XLV, 6–10.
- 15 Афанасьев Г.Е. Муравьевский клад. К проблеме оногуро-болгаро-хазарских миграций в лесостепь // СА. 1979. № 1. С. 198; Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. № 158. С. 102.
- 16 Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала // Донская археология. 2000. № 1. С. 89.
- 17 Крыганов А.В. Раскопки в Харьковской области Нетайловского и Пескорядьковского могильников салтовской культуры. Рис. 33; Крыганов А.В. Нетайловский могильник. Рис. 12.
- 18 Белик А.А. О салтовско-венгерских контактах в VIII в. по материалам поясных наборов // Проблемы истории и археологии Украины. Матер. междунар. научной конф., посвященной 10-летию независимости Украины. Харьков, 2001. С. 86–87.
- 19 Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. Рис. 4, 21.
- 20 Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего Средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. С. 115–117.
- 21 Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. С. 97.
- 22 Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- 23 Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Матер. I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996. С. 117–121.
- 24 Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника). С. 117. Рис. 1, 1–12.
- 25 Vona I. A Szegvar-sapoldali lovassir. Adator a rorai avar temetrezesi szokasokhoz // АЕ. 1979. Vol. 97. № 2.
- 26 Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. № 1. Рис. 9, 3–8.
- 27 Орлов Р.С. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985. С. 103.
- 28 Аксенов В.С., Михеев В.К. Крымский импорт и хронология некоторых памятников верховой Северского Донца // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 353.
- 29 Аксенов В.С. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // Finno-Ugrica. 1998. № 1(2). Рис. 2, 2.
- 30 Дегтярь А.К. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем Средневековье // Вісник ХДУ. 1981. № 214; Богуславський Г.С. До питання про етнічну приналежність поховань за обрядом кремації салтово-маяцької культури // Археологія. 2001. № 2.
- 31 Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3; Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры; Аксенов В.С., Воловик С.И. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // Донская археология. 1999. № 3–4.
- 32 Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. 1982. № 2. С. 165.
- 33 Брехач М.Г. Керамический комплекс могильника Сухая Гомольша // Матеріали Міжнародної археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу

- та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя)». Дніпропетровськ, 1999.
- 34 Аксенов В.С., Воловик С.И. Новый салтовский могильник в верхнем Подончье. Рис.1, 13; 2, 10.
  - 35 Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь, 1996.
  - 36 Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. Вып.158. Рис. 2; Тарабанов В.А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992. Рис. 1–3; Тарабанов В.А. Исследования раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году // Древности Кубани. Вып. 14. Краснодар, 1999.
  - 37 Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо. С. 56.
  - 38 Тарабанов В.А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. Рис. 3, 4, 8.
  - 39 Плетнева С.А. Об этнической неоднородности населения Северо-Западного Хазарского пограничья // Новое в археологии. М., 1972. С. 114–115.
  - 40 Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры. С. 51.
  - 41 Аксенов В.С. Об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник ХДУ. 1998. № 413. С. 40.
  - 42 Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М. 1989. Рис. 41–42; Плетнева С.А. Подгоровский могильник // СА. 1962. № 3. Рис.4, 4; Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Труды XII археологического съезда. 1905. Т. 1. Табл. 22, 91.
  - 43 Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С. 239–245.
  - 44 Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2. С. 54.